

его основоположников — Бердяева. «Персонализм» определяет всю «точку зрѣнія» Дени де Ружмона не только как социального философа, но и как писателя-художника. Читая его описанія встрѣч с людьми из народа, убѣждаешься, что это не только эффектная фраза, когда он пишет в кафе у порт д-Итали: «Смотрю на этих людей в кепках и на их жен. Можно сказать: это рабочіе и мѣщане. Одежда, язык, психологія их классов. Но можно сказать и так: это люди, за которых умер Христос».

В. Варшавскій.

ИСКАНІЯ МЛАДОРОССОВ

Перед нами второй выпуск «Русскаго Временника» (Париж 1938), изданія группы молодежи, отколовшейся от Союза Младороссов. Среди разнообразных «пореволюціонных» теченій новый журнал пріятно удивляет, как свѣжестью мысли, дѣйствительным духом исканій, так и направлением, в котором эти исканія ведутся. Удѣя «Русскаго Временника», называющаго себя «органом революціонной монархической мысли», вѣрность религіозной и національной традиціи Россіи соединяется с серьезным, и не только словесным устремлением к идеалам русской интеллигенціи: свободѣ, демократіи и даже социализму. Синтез такого размаха, конечно, дѣло не легкой, и авторы подчас довольно далеко расходятся в постановкѣ новых вѣх. Но общій дух, их одушевляющій, настолько близок к «Новому Граду», что, несмотря на чуждую нам монархическую мистику, мы готовы видѣть в группѣ «Русскаго Временника» своих ближайших друзей.

Дружба, как и вражда, обязывает к откровенности. И мы, признавая цѣнность многих формулировок и характеристик (среди авторов есть люди, бесспорно, талантливые), обязаны указать и пункты расхожденія — или дать сигнал об опасностях.

Опасные пункты лежат на обоих крайних флангах молодой группы: на том флангѣ, который можно было бы назвать правым или националистическим, и на лѣвом, или либеральном. Правый фланг представлен двумя Попандонуло (С. и В.). Они оба проникнуты тѣм лафосом, я бы сказал той мистикой, которая средни позднему славянофильству эпохи Александра III. Ближе всего они по духу к Л. Тихомирову, общему учителю современнаго монархизма. В своих «Мыслях Русскаго Монархиста», В. Попандонуло исходит из идеи «всеобщаго духовнаго единства», как цѣли всякаго общества и культуры. Понимая это единство не как предѣльный идеал, а как конкрет-

ное состояніе, уже осуществившееся в исторіи, автор естественно приходит к самодержавной монархіи, как лучшему историческому воплощенію единства. Здѣсь порочен монизм самой исходной точки. Цѣлью не можетъ быть единство во что бы то ни стало, а единство в истинѣ. Но путь к истинѣ ведетъ всегда черезъ діалектическія противоположности, черезъ борьбу. Конкретно, политика должна создать лучшія формы для культуры раскрывающейся, движущейся истинны, а не единство окончательно найденнаго. Отсюда необходимость плюрализма политическихъ началъ и опасность всѣхъ монистическихъ идеалов. Самодержавная монархія славянофиловъ есть утопія прошлаго, жестокое искаженіе исторической правды. При всѣхъ ея историческихъ заслугахъ, русская монархія никогда не была идеальнымъ носителемъ (не существовавшего) единства. Она была церковно-боярской в XV столѣтіи, опричной в XVI, дворянско-купеческой в XVII, дворянской только в XVIII, бюрократически-полицейской в XIX. Всенародной (и то в ограниченномъ смыслѣ) ей удавалось стать лишь в немногіе великіе моменты русской исторіи: борьба с татарами, реформы Петра I и Александра II. В наше время полной духовной расколотости единство самодержавія можетъ быть только тоталитарнымъ насиліемъ.

С. Попандопулѣ в статьѣ о пораженчествѣ защищаетъ тезисъ обороны Россіи, близкій и нам. Но в защитѣ своей он исходитъ изъ предпосылокъ, которыя можно назвать интегральнымъ націонализмомъ. Его оборона Россіи происходитъ прежде всего изъ вѣры в Россію, какъ «мощь физическую и духовную». Эта мощь, повидимому, не нуждается ни в какомъ иномъ нравственномъ или религіозномъ оправданіи. В системѣ духовныхъ цѣнностей нація получаетъ неподобающее, верховное положеніе. Авторъ просто не хочетъ мыслить себѣ возможность конфликта между его народомъ и правдой, народомъ и церковью, народомъ и Христомъ. По средневѣковому церковному сознанию, христіанинъ можетъ участвовать в войнѣ лишь справедливой. Новое, творимое международно-демократическое сознание (увы, теперь болѣе разрушаемое, чѣмъ творимое) возвращается къ средневѣковой предпосылкѣ. Долженъ быть высшій трибуналъ и надъ народами. Иначе жизнь станетъ невозможной, и наша культура разрушится в войнахъ абсолютныхъ, самодовлѣющихъ государствъ.

На противоположномъ лѣвомъ флангѣ Лев Закутинъ, в острой и превосходно написанной статьѣ «Споръ о демократіи», пытается найти конкретное опредѣленіе для демократіи, идеалъ которой он, какъ и всѣ участники сборника, считаетъ своимъ. Но сводя демократію къ ряду «свободъ», он беретъ на себя защиту скорѣе либерализма, чѣмъ демократіи. Защищать свободу в наши дни дѣло поистинѣ рыцарское, — и в пореволюціонномъ станѣ необычное. В современной демократіи наслѣдіе либерализма есть, конечно, самое цѣнное и самое хрупкое. И тѣмъ

не менѣ свободой демократія не исчерпывается. Она имѣет свое содержаніе, трудно опредѣлимое. Не желая искать его в «народовластіи», мы вынуждены все-таки углубляться в коренной смысл той правды, которая скрывается в этом словѣ: назовем ли ее «самоуправленіем народа», построеніем власти «снизу вверх», всенародной организаціей власти, или как-нибудь иначе. Во всяком случаѣ, для автора здѣсь открытая проблема для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Л. И. Горбов в статьѣ «В защиту Монархіи» дает спокойное и прозрачное построеніе монархіи конституціонной, или демократической, по классической формулѣ: «монарх царствует, но не управляет». Все, что можно сказать об этом политическом идеалѣ, столь привлекательном в Англіи или в сѣверной Европѣ, это то, что он является утопическим для Россіи и вообще для революціонных эпох. Там, гдѣ власть по необходимости принимает диктаторіальный характер, монархія или сама превращается в династическую диктатуру (или самодержавіе), или играет унизительную роль тѣни диктатора. Ни в Италіи, ни в Греціи, она неспособна защитить народ от тиранов.

Сравнивая двѣ, прямо противоположныя защиты монархіи в «Русском Временникѣ», мы видим, что онѣ обѣ сбиваются на утопіи: славянофильскую и парламентарную. Наш вывод: вопрос о монархіи нельзя ставить абстрактно. А ставит его конкретно, значит ставить его для Россіи, в обстановкѣ пореволюціонной. А здѣсь и поднимается вопрос первый — о династіи и ея носителях, и вопрос второй — о народном отношеніи к этой династіи. И вот тут то оказывается, что весь нравственный капитал, которым нѣкогда династія обладала, она начисто растеряла за два послѣдних царствованія. В Россіи, как и во Франціи начала XIX вѣка, любой из революціонных маршалов имѣет больше шансов на (эфемерный, конечно) трон, чѣм старая династія, неразрывно связанная в народном сознаніи с дворянской Россіей.

В заключеніе не могу не указать на досадное чувство, которое вызывает в отдѣлѣ «Библиографіи» рецензія на богословскій сборник «Живос Преданіе». Журнал, конечно, мог бы прекрасно обойтись без богословских рецензій. Тѣм болѣе непонятно, почему он поручил ее автору, извѣстному крайней реакціонностью своих богословских взглядов. Рецензія представляет огульное отрицаніе, в проницательном тонѣ, всѣх новых и свѣжих теченій в православной мысли, которыя нашли себѣ отраженіе в «Живом Преданіи». А там пишут далеко не революціонеры, скорѣе люди того типа, которые называются «свободными консерваторами». К лицу ли молодому и свободному «Русскому Временнику» это реакціонное пятно?

Г. Федотов.